

Kazakov G. I. Lighting the Lisbon regicide in 1908 in the pages of periodicals of the Russian Empire

In the article the author on the basis of periodicals of the Russian Empire, is considered one of the most famous and resonant kills monarchs of the early twentieth century, namely the Lisbon regicide. The author focuses on the analysis of the events, which are more or less had to do with the murder. To generalize about the possible causes and perpetrators, at which point the then press.

Keywords: the Lisbon regicide, periodicals, Portugal, killing monarchs .

УДК 327(47+57:438)"1919/1921"

И. А. Скубий

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПОЛЬШИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКОЙ РОССИИ В НОЯБРЕ 1918 – ЯНВАРЕ 1919 ГОДОВ (ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматривается вопрос о генезисе польско-советского конфликта в первые месяцы существования II Речи Посполитой. Делается вывод, что Юзеф Пилсудский, руководивший восточным вектором внешней политики Польши, сформировал своё отношение к Советской России на основе информации, предоставленной польской разведкой, и переговоров с немецким военным командованием Ober Ost'a. Выяснено, что занятие Красной армией Вильно было воспринято польским главнокомандующим как начало военного конфликта между двумя странами.

Ключевые слова: большевизм, Советская Россия, Ober Ost, Вильно, Германия, Польша, Юзеф Пилсудский.

После провозглашения независимости Польши 11 ноября 1918 г. перед руководством страны сразу же встал вопрос о линии поведения в отношении политических сил, боровшихся за власть на просторах бывшей Российской империи: белыми армиями, большевиками и национальными движениями. При этом "Большевия", "Советы", "Совдепия" сразу же оказались в центре внимания создающихся властных структур II Речи Посполитой. Именно такими терминами обозначалась Советская Россия во внутренней документации польских государственных учреждений, позднее перекочевавшими на страницы польской прессы. Источником сведений о перипетиях Гражданской войны служили донесения Польской военной организации (Polska organizacja wojskowa – ПОВ), гражданских и военных беженцев, прибывающих с российской территории и т.д. Вся наиболее важная информация о происходящих в России событиях аккумулировалась в структурах Генеральной адъютантуры Верховного командования – личном военном аппарате Юзефа Пилсудского, "коменданта", "начальника государства", объединившего под своим руководством Войско Польское и определявшего восточную политику Польши. Следует подчеркнуть, что иностранная и польская пресса, много писавшая о Гражданской войне в России, также являлись ценным источником информации для Пилсудского и его ближайшего окружения. Однако сведения, попавшие в Генеральную адъютантуру по агентурной линии или от польских эмиссаров, действовавших за границей, проходили тщательный отбор, обладали более высоким статусом и, несомненно, именно они первыми принимались во внимание при анализе внешнеполитического положения Польши.

Проблематика зарождения польско-советского военного конфликта и его начальной фазы изучалась польскими и российскими историками. Здесь необходимо упомянуть работы Анджея Новака [1], Гжегожа Зацкевича [2], Анджея Гарлицкого [3], Ежи Боженского [4], И. В. Михутиной [5] и Г. Ф. Матвеева [6]. Однако этот вопрос рассматривался либо сквозь призму польско-советских дипломатических отношений и набравшей обороты войны, либо как часть биографических студий, посвященных Юзефу Пилсудскому. Таким образом, вне исследовательского поля остаётся аспект информационного обеспечения польского руководства относительно внешней политики Советской России. Соответственно, для раскрытия данной проблемы были сформулированы следующие цели: 1) показать характер информации о действиях большевиков, поступавшей в распоряжение Пилсудского; 2) осветить первоначальные шаги польского Генерального штаба, направленные на установление контроля над "северо-восточными креслами" Польши и городом Вильно; 3) охарактеризовать позицию, занятую Пилсудским после января 1919 года по отношению к Советской России.

На геополитическую ситуацию в Восточной Европе существенное влияние оказывал ещё один значительный фактор – Германия, которая даже после подписания Компьенского перемирия имела в своём распоряжении хорошо обученную, но сильно деморализованную армию. Ситуация осложнялась тем, что территория Белоруссии и Литвы в последние месяцы 1918 г. контролировалась немецкой оккупационной администрацией – Верховным командованием всеми германскими вооруженными силами на Востоке – Обер Остом (Oberbefehlshaber der gesamten deutschen Streitkräfte im Osten – сокращенно "Ober Ost"), разделённого на три административных района: Белосток-Гродно, Литву и Курляндию. Таким образом, на бывшем восточном фронте Первой мировой войны были сконцентрированы значительные части кайзеровской армии, имевшей подавляющее превосходство над недавно созданным Войском Польским.

Сразу после прихода к власти Пилсудский довольно скупно выражался насчет своих взаимоотношений с большевистским режимом в России. Уже позднее, в начале февраля 1919 г. он описывал первые месяцы

своего правления страной как необычайно трудные: стране угрожал хаос. Не было войска, только 4 000 деморализованных солдат, чем воспользовались украинцы, заняв Львов. Большевики же, по словам Пилсудского, высылали агентов в Варшаву, чтобы вызвать коммунистическую революцию [7. s.60]. В своей знаменитой книге “1920 год” польский главнокомандующий писал, что уже в 1918 г. поставил себе ясную цель в войне с Советами: “...приложить все силы к тому, чтобы сорвать любые попытки вновь навязать нам чужую, не самими поляками устроенную жизнь” [8. с.265]. Однако осенью первого года независимости Польши начальник государства не стремился ограничить себя какой-либо подробной политической программой, видя в этом скорее специфическую форму политиканства, лишаящую его свободы действий, т. е. приносящую больше вреда, чем пользы.

С первыми предложениями относительно дальнейших внешнеполитических шагов возрожденного польского государства к Пилсудскому 20 ноября 1918 г. обратился Владислав Барановский, доверенное лицо Коменданта, дипломат и масон, находившийся тогда в швейцарском Берне. Более того, это был ценный сотрудник, прекрасно разбирающийся в тонкостях западноевропейских международных комбинаций. В своей программе он обращал внимание на тот факт, что за граница ждёт от Пилсудского ясной позиции в вопросе большевизма, против которого союзники ведут крестовый поход [9. s.70]. От себя Барановский добавлял, что на “этом коне” уже давно ездят национальные демократы, выставя себя ярыми сторонниками борьбы с коммунистической угрозой. Очевидно, что дипломат имел в виду Польский национальный комитет в Париже, возглавляемый лидером партии эндеков Романом Дмовским. Однако в те бурные дни начальник государства ещё не был готов дать четкие инструкции своим сторонникам по “русскому вопросу”. Жизненно необходимой была более полная информация относительно военно-политического положения Советской России, и вскоре она была получена.

1 декабря 1918 г. в Генеральную адъютантуру поступил доклад некоего доктора Наконечникова, сотрудника ПОВ, бывшего “плац-коменданта” в Советской России [9. s.24], 30 октября вместе с эшелонем беженцев покинувшего “красную” Москву. Ему удалось через Белоруссию, контролируемую в ноябре 1918 г. большевиками и немецкими войсками Обер Оста, 22 ноября добраться до Варшавы. Информация о социально-экономической ситуации в России и военном потенциале Красной Армии, предоставленная Наконечниковым, была сочтена настолько важной, что попала на стол начальнику государства, поэтому заслуживает подробного рассмотрения. Польский эмиссар сообщал, что настроения белорусского народа очень радикализированы, в случае эвакуации из Белоруссии немецких войск не было исключено “большевистское движение” даже без участия советских войск с востока [9. s.26]. Оценивая характер установленного в России режима, он отмечал, что в стране существует коммунистическая диктатура большевистской партии, присвоившей себе право выражения воли российского пролетариата [9. s.17]. По мнению Наконечникова, отношение российского народа ко всему “социальному движению” было чрезвычайно пассивным. Это объяснялось врождёнными психологическими особенностями россиян и колоссальной измученностью войной [9. s.18]. Сотрудник ПОВ также сообщал о деструктивной деятельности поляков-коммунистов в Советской России. Польский комиссариат¹ Наконечников прямо называл экспозитурой эсдеков, а также российским учреждением. “Польские большевики” до конца не признавали независимости Польши и считали её население гражданами Российского государства со всеми вытекающими последствиями [9. s.19]. Автор доклада утверждал, что они находились на “крайнем крыле большевизма”, имели большое влияние в советском правительстве и занимали целый ряд выдающихся постов [9. s.19]. Однако наибольшую ценность представляли сведения о военной деятельности поляков-коммунистов. В июле 1918 г. Польский комиссариат приступил к созданию Западной дивизии, имевшей в конце октября в своём составе 4 батальона пехоты, в общей сложности от 4000 до 5000 штыков, из которых поляки составляли 35 % [9. s.10]. Кроме того, в эту боевую единицу входили две роты китайцев, конный полк мазовецких уланов в количестве 400 человек, из которых 250 дислоцировались на фронте под Казанью, а штаб этого подразделения находился в Москве. Пехотные полки дивизии были размещены в Тамбове, отдельные отряды которых были высланы “на казачий фронт” на юг от Воронежа. Вся дивизия была обильно снабжена техническими средствами, располагала массой оружия (пулеметов), однако имелся недостаток порядка и эффективной организации [9. s.11]. По сведениям Наконечникова, некий “польский комитет” намеревался бросить эти дивизии в соответствующий момент на запад [9. s.11]. Основные силы Западной дивизии в конце октября 1918 г. находились на южном фронте и воевали против армий Краснова и Деникина, а на фронте от Петербурга до Воронежа дислоцировались только мелкие военные части [9. s.11].

Таким образом, Пилсудский и его окружение впервые со времени провозглашения независимости Польши получили сведения о существовании в структурах советского партийного аппарата институций, состоящих из этнических поляков и придерживающихся леворадикальных политических взглядов. Кроме того, следует отметить прекрасную информированность “доктора Наконечникова” о количественном и качественном состоянии Западной стрелковой дивизии. Необходимо обратить внимание на одну существенную деталь: польский разведчик не знал о существовании сильных разногласий между советским руководством и поляками-коммунистами, действовавшими в Советской России, относительно проводимой в

¹ *Комиссариат по польским делам (“Польский комиссариат”) – институция, созданная советскими властями при Народном Комиссариате по делам национальностей. Проводил широкую деятельность в сфере опеки над польскими беженцами и военнопленными, занимался вопросами образования и обеспечения этнических поляков в России. Сотрудники Польского комиссариата активно противодействовали попыткам вербовки польского населения агентами ПОВ в национальные части, например, в “армию Галлера” в 1918 г. Комиссариат контролировался представителями партии Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПил).*

отношении II Речи Посполитой политики. Особенно сильно они проявились в декабре–ноябре 1918 г., когда “польские товарищи” активно лоббировали идею превращения Западной стрелковой дивизии в революционную армию Польши, но так и не добились положительного для себя результата [10. с.275-278].

Полученные Пилсудским сведения были дополнены рапортом Адама Сикорского, бывшего коменданта Московского округа ПОВ, совершившего 8-17 декабря 1918 г. поездку из Москвы в Варшаву. 11 декабря он был в Минске, уже занятом немногочисленными “большевистскими частями” и управляемым “Чрезвычайной комиссией”. Согласно его описаниям, большая часть интеллигенции и буржуазии выехала из города, опасаясь репрессий [9. с.195]. Польский разведчик описал один характерный эпизод: известный коммунист Карл Радек начал агитацию среди немецких солдат в городе, чему воспротивились офицеры кайзеровской армии. В результате “спора” небольшой немецкий отряд был разоружен, а остальные военные части пешим порядком покинули Минск, так как большевики не разрешили им выехать из города по железной дороге [9. с.195]. В Москве же проводилась мобилизация мужского населения до 1879 г. рождения, все фабрики работали для армии, настроение в которой было “наступательное” [9. с.195]. Вывод был очевиден: белорусская территория, занимаемая администрацией Обер Оста, стремительно сокращались, а большевики практически беспрепятственно продвигались к польским этническим землям.

Лучше понять проводимую в этот период начальником государства политику на международной арене помогает инструкция, составленная его сторонниками для дипломатов-пилсудчиков, находившихся осенью 1918 г. в странах Антанты¹. Она не только показывает главные пункты той пропагандистской работы, которую им предстояло вести на Западе, но и раскрывает логику мышления ближайшего окружения Пилсудского в вопросе внешней политики. Представители Польши в западноевропейских странах должны были всячески подчеркивать тот факт, что независимости страны угрожают “зараза большевизма” и Германия, всячески его поддерживающая. Немцам ставилось в вину систематическое содействие “большевистской агитации” на территории бывшего Царства Польского во время Первой мировой войны проводимой пришлым элементом и финансируемой из Москвы [9. с.79]. Что касается текущего момента, то революционизирование угрожает Литве и “белорусским кресам польского государства”, откуда в этот период эвакуировалась кайзеровская армия. Следом за ней здесь немедленно появляются пришлые или местные “большевистские банды” [9. с.79]. И если тезис о поддержке Германской империей коммунистической агитации на польских оккупированных территориях до ноября 1918 г. является малоубедительным, то под пресловутыми “бандами” имелись в виду части Красной Армии, продвигавшиеся через территорию Белоруссии на запад вслед за возвращающимися домой немецкими солдатами.

Согласно составленным рекомендациям, якобы наиболее выразительно внешнюю политику Германии показывало её “отношение к Литве и ... большевизму”. На литовских землях немецкие военные власти не позволяют организоваться местным польским силам и помешать анархии; эвакуацию начинают с северных районов страны, чтобы предоставить доступ большевистскому “потопу”, исключая всякий контакт с Польшей [9. с.80]. На основе этих фактов определялись основные пункты текущего конфликта между II Речью Посполитой и Германией, которые должны были распространять в общественном мнении стран Антанты польские дипломаты: 1) приближавшееся возвращение через Польшу российских военнопленных в количестве 2 миллионов человек, преимущественно заражённых большевизмом; 2) отношения с немецкой армией бывшего Обер Оста, возвращавшейся в Германию; 3) плачевное финансовое положение польского государства; 4) “немецкие угрозы”, используемые против Польши – большевики, анархия и грабёж [9. с.80].

Антинемецкий характер такой деятельности был вполне очевиден и имел целью показать высшему руководству Антанты совпадение интересов Германии и Советской России, однако внешняя политика Пилсудского не сводилась только к выполнению этой задачи. Он сосредоточил свои усилия на количественном и качественном увеличении польской армии и получении доступа к белорусским и литовским землям сразу же после эвакуации оттуда немецких войск. Стратегической целью № 1 для польских военных было овладение важнейшим пунктом на “северо-восточных креслах” – древней столицей Великого княжества Литовского – Вильно.

21 декабря 1918 г. в комендатуру Обер Оста в литовский город Ковно был направлен представитель Генерального штаба Польши, офицер связи ротмистр О. Гурка. Посланник Варшавы предложил немецким оккупационным властям разрешить транспортировку польских частей в Вильно с целью организации отделов самообороны для “...охраны против большевиков и приближающихся большевистских отрядов в Литве и Белоруссии” [9. с.38] в момент окончательной эвакуации с этих территорий кайзеровской армии.

23 декабря 1918 г. ротмистр доносил из Ковно, что начальник Генерального штаба Обер Оста генерал Гофман дал своё согласие на этот план, однако окончательное решение оставил за Берлином. В этих условиях польский офицер предложил немедленно продать польской самообороне Вильно 2000 карабинов и 12 пулеметов, а после эвакуации немецких войск оставить ещё 8000 карабинов и 32 пулемета. Начиная с

¹ *Машинописный текст “инструкции” скорее всего был составлен в первой половине декабря 1918 г. По мнению польского историка Анджея Новака, её основные принципы были сформулированы на секретном совещании Пилсудского с Михалом Сокольніцким и министром иностранных дел Польши Леоном Василевским 27 ноября 1918 г. Предположительно, одним из первых “инструкцию” в свои руки получил Казимир Длуский, выехавший в конце 1918 г. из Варшавы в Париж. Он должен был исполнять роль посредника между Польским национальным комитетом Романа Дмовского, игравшим роль общенационального представительства в Париже, и Юзефом Пилсудским, реализовавшим собственную военно-политическую программу на востоке. Таким образом, этот документ должен был послужить своеобразным руководством для сторонников начальника государства и, что немаловажно, показывать его отношение к Советской России.*

26 декабря немецкая администрация должна была разрешить перевозку в город 4 батальонов пехоты, 1 кавалерийского полка и 2 артиллерийских батарей для занятия оставляемых немцами позиций [9. s.39]. Принятие этих условий означало бы передачу Вильно полякам и техническое оснащение частей Войска Польского в преддверии наступления Красной Армии.

Однако такое значительное усиление II Речи Посполитой, учитывая прямое столкновение национальных интересов этих двух государств после окончания Первой мировой войны, не входило в планы Берлина. Кроме того, политическая ситуация в Германии была крайне нестабильной: после отречения Вильгельма II от престола было сформировано социал-демократическое правительство, по российскому образцу появились Советы депутатов. Немецкие леворадикалы, объединённые в “Союз Спартака” во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, открыто призывали к коммунистической революции. Казалось, что измученная военными лишениями страна стоит на пороге глубоких социальных катаклизмов.

В этой ситуации Генеральный штаб Войска Польского молниеносно направил соответствующие депеши германскому правительству и начальнику военной миссии Антанты в Будапеште подполковнику Вихсу [9. s.38]. Последний сразу сообщил польским военным властям, что он сам не имеет соответствующих средств для оказания помощи, но передал информацию о сложившемся положении командованию союзников в Салониках. Тем временем в Варшаве появилась информация, что последние немецкие части покинут Вильно 5 января 1919 г., т. е. фактически город будет ими оставлен 3 или 4 днями ранее [9. s.39]. 26 декабря 1918 г. ротмистр Гурка получил ответ из Берлина: эвакуация из Вильно не будет ускорена, однако “представители народа не хотят разрешить так далеко идущие вопросы”. Поэтому на следующий день должно было состояться заседание Государственного совета с участием уполномоченных “солдатских Советов”, после чего польский представитель получит окончательный ответ [9. s.40]. 27 декабря ротмистр сообщал в Варшаву, что “несмотря на то, что все военные власти поддерживали моё предложение, Берлин их не принял” [9. s.41]. По сведениям Гурки, командование и солдатский совет немецкой 10-й армии, контролировавшей в те дни Вильно, потребовали от виленских поляков дать письменные свидетельства не выступать и не воевать с большевиками [11. с.89]. Анализируя эти события уже в феврале 1919 г., ротмистр довольно точно указывал на двойственный характер политической линии Германии по отношению к большевизму: как к внутреннему фактору, с которым берлинские власти борются, а также как к внешнеполитической величине, ведущей войну с Польшей и связывающей известную часть польских войск [11. с.89].

Аналогичные сведения Пилсудский получил еще 2 января 1919 г. от другого своего представителя, совершившего в эти дни поездку через Вильно, Ковно и Берлин – Владислава Студницкого. По словам последнего, генерал Гофман и весь офицерский корпус заняли доброжелательную позицию в вопросе передачи польской стороне оружия; немецкий МИД также придерживался того мнения, что “следует помочь полякам против большевиков”, однако правительство решило иначе [12. s.99]. В самой столице древней Литвы царило паническое настроение перед надвигающейся Красной гвардией, передовые посты которой находились уже в нескольких десятках километров от города. Студницкий также сообщал, что у польской самообороны много людей, но нет оружия [12. s.99]. Поэтому без помощи извне Вильно было обречено. Польский переговорщик видел единственный выход в немедленной посылке вооруженного отряда в город, считая, что консервативно настроенное немецкое командование позволит полякам якобы “захватить” железную дорогу и получить доступ в город.

В этих условиях инициативу организации обороны Вильно взял на себя другой эмиссар Пилсудского, действовавший в Литве – капитан Сигизмунд Клиндер. 30 декабря 1918 г. он сообщал Коменданту, что назначил себя начальником штаба польских войск в Вильно и активно включился в местную политическую жизнь. По его словам, большевистские войска, стоящие под городом, численностью 12 000 человек, ожидают ухода немецких войск из города и “проявления локального большевизма”. Клиндер сообщал, что вступил в контакт с виленскими коммунистами – “евреями и немногочисленными поляками”, обьявив им, что залёт кровью любой враждебный порыв и любую попытку беспорядков, откуда бы они не происходили [12. s.138]. Все политические группировки – от большевиков до литовских националистов – проводят лихорадочную военную подготовку, чтобы после эвакуации из города последних немецких частей захватить власть в свои руки. В этих условиях польский эмиссар распустил городскую самооборону, состоявшую из местных поляков, и приступил к созданию регулярной дивизии, имея в своём распоряжении 750 человек [12. s.139]. Эти силы должны были составить ядро будущих польских войск, перед которыми ставилась задача контролировать город вплоть до момента установления прямого сообщения с территориями, подвластными Варшаве. Не без самодовольства Клиндер сообщал, что перед ним “всё дрожит”, включая собственных офицеров и большевиков, и он сможет удерживать город [12. s.140]. Однако столь оптимистическим прогнозам не суждено было сбыться. 5 января 1919 г. Виленский стрелковый полк и 146 полк пехоты Красной Армии 3 группами атаковали позиции поляков в 8 километрах от Вильно и вынудили их отступить [12. s.99]. Позже в своём рапорте Клиндер весьма туманно описывал причины сдачи города и ход решающего сражения. Он писал, что подробности может передать только устно [12. s.201], а приказ об отступлении отдал своим подчинённым “принимая в расчет неизбежные случайности”¹.

¹ В копии рапорта, поступившей в Генеральную адъютантуру, эти слова Клиндера жирно подчеркнуты красным карандашом и выделены на полях знаком восклицания. Можно только представить, какие чувства они вызвали при прочтении у Пилсудского, не скупившегося на эмоциональные высказывания насчет промахов своих политических оппонентов, не говоря уже о сторонниках и прямых подчинённых. Во всяком случае, после виленской катастрофы военная карьера Клиндера была окончена.

Утрата Вильно стала последним доказательством для польского главнокомандующего враждебности большевиков к польскому государству. Можно согласиться с мнением историка Анджее Новака, что именно занятие Вильно 5 января 1919 г. частями Красной армии является началом вооруженного конфликта между Польшей и Советской Россией [1. s.277], но лишь с той оговоркой, что именно так воспринимал сложившуюся ситуацию Пилсудский. Руководство Советской России не собиралось в начале 1919 г. объявлять войну своему западному соседу, пойдя по пути создания буферных Белорусской и Литовской советских республик и дипломатического урегулирования с поляками.

Свою позицию относительно “Советов” Пилсудский очертил в письме от 17 января 1919 г. своему дипломатическому представителю в Париже Казимиру Длускому. В нём он писал, что его расчеты на очищение оккупированных немецкими войсками территорий Обер Оста в марте этого года не оправдались: эвакуация началась намного раньше, в результате чего опасность большевистского вторжения стала чрезвычайно близка. По мнению Пилсудского, Польшу ожидает война с немецко-большевистским союзом, которую только она “во всей Европе должна реально взять на свои плечи” [13. s.7]. Таким образом, на анализ стратегической обстановки начальником государства оказали большое влияние два фактора: революционные волнения в Берлине 5-12 января 1919 г., возглавленные германскими коммунистами, и занятие Красной Армией Вильно, игравшего важную роль в его планах превращения II Речи Посполитой в великую державу. Эти события получили соответствующую оценку: большевики через Польшу намереваются соединиться с большевизмом на Западе, а именно с движением немецких спартаковцев. Занятием Вильно “Советы” добились важного военного и политического успеха, тревожно влияющего на общество и воодушевляюще – на “локальный большевизм” [13. s.10]. По мнению начальника государства, война за Восточную Галицию вынудила направить на эту территорию значительные силы, ослабив тем самым “фронт против большевиков”. Сложилась такая ситуация, что “польские силы не смогут выдержать большевистского напора” [13. s.10]. Выходом из этого положения было бы получение оружия, снаряжения и других технических средств для оснащения Войска Польского, чего от стран Антанты должно добиваться польское представительство в Париже [13. s.11]. Следует заметить, что опасения начальника государства относительно возможности заключения немецко-большевистского союза не оправдались: официальный Берлин стремился извлечь максимальную выгоду из своих взаимоотношений с Советской Россией, однако активно противодействовал проникновению коммунистических идей на свою территорию.

После январских событий в Вильно, Пилсудский, ранее открыто не выступавший с резкими заявлениями в адрес большевиков, в своих интервью иностранным корреспондентам постоянно подчеркивал исходящую от “Советов” для польского государства опасность. 1 февраля 1919 г. в своем интервью корреспонденту итальянской “Il Corriere della Sera” Лучано Магрини, начальник государства заявил, что война, которая закончилась для Европы, для поляков только начинается. Более того, перед страной встала угроза нашествия с востока: “Большевики заняли Вильно, находятся у ворот Бреста и Гродно, продвигаясь вперед, уверяют, что их целью является Варшава и вся Польша” [7. s.61]. В интервью же для французской “Le Petit Parisien” от 16 марта 1919 г. он утверждал, что империализм является основополагающей чертой политического характера России, теперь уже не царский, а советский [14. s.67].

Нельзя не согласиться с польским историком Гжегожем Зацкевичем, утверждающим, что взгляды Пилсудского относительно природы и характера большевистского режима в России были развиты в 1918-1921 гг. пробольшеведскими публицистами таких изданий как “Gazeta Polska”, “Naród”, “Rząd i Wojsko” [2. s.48-49]. Только они могли более открыто выражать свои мысли, в отличие от начальника государства, публичные высказывания которого теперь сразу же становились достоянием европейской прессы (и предметом анализа опытных дипломатов). Результатом явились сотни статей в польских газетах и журналах о “красной” опасности. И хотя собственное мнение о характере и природе российской государственности и менталитете русских, которым якобы присущ имперский экспансионизм, сформировалось у Пилсудского задолго до революции 1917 г., феномен советского большевизма не входил в этот перечень. В период с ноября 1918 г. по январь 1919 г. на основе всей полученной информации от разведки и Генерального штаба, болезненной потери Вильно, опасений создания союза между Германией и “Советами”, проникновения “большевистской заразы” в Польшу окончательно кристаллизовалось отношение Пилсудского к теперь уже Советской России.

Источники и литература

1. Nowak, Andrzej. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku) / Andrzej Nowak. – Kraków: Arcana, 2001. – 635 s.
2. Zackiewicz, Grzegorz. Polska myśl polityczna wobec systemu radzieckiego 1918–1939 / Grzegorz Zackiewicz. – Kraków: Arcana, 2004. – 836 s.
3. Garlicki, Andrzej Józef Piłsudski: 1867-1935 / Andrzej Garlicki. – Warszawa: Znak, 2008. – 872 s.
4. Borzęcki, Jerzy. Pokój ryski 1921 roku i kształtowanie się międzywojennej Europy Wschodniej / Jerzy Borzęcki. – Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2012. – 429 s.
5. Михутина И. В. Польско-советская война 1919-1920 гг. / И. В. Михутина. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994.
6. Матвеев Г. Ф. Пилсудский / Г. Ф. Матвеев. – Москва.: Молодая гвардия, 2008. – 512 с.
7. Baranowski, Władysław. Rozmowy z Piłsudskim 1916–1931 / Władysław Baranowski. – Warszawa: Zebra, 1990. – 141 s.
8. Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. / М. Н. Тухачевский, Ю. Пилсудский. – М.: Новости, 1992. – 320 с.
9. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce (далее IJP w Ameryce) Adjutantura Generalna Naczelnego Dowództwa, Grupa I: Sprawy wojskowe, T. 1.

10. Михутина И. В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сборник статей польских и российских исследователей. / Ответственные редакторы М. Волос и А.М. Орехов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 260-281.
11. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том II, ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. / отв. ред. И. А. Хренов. – М.: Наука, 1964. – 720 с.
12. IJP w Ameryce. Adjutantura Generalna Naczelnego Dowództwa, Grupa I: Sprawy wojskowe, T. 2.
13. IJP w Ameryce. Archiwum Józefa Piłsudskiego, T. 25.
14. Piłsudski, Józef. Pisma zbiorowe: wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. T. 5. / Tom niniejszy zredagował, wstępem i przypisami zaopatrzył Kazimierz Switalski. – Warszawa: Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937. – 160 s.

Скубій І. А. Юзеф Пілсудський та формування зовнішньополітичного курсу Польщі щодо Радянської Росії в листопаді 1918 – січні 1919 років (військово-політичний аспект)

У статті розглядається питання генезису польсько-радянського конфлікту в перші місяці існування II Речі Посполитої. Робиться висновок, що Юзеф Пілсудський, який керував східним вектором зовнішньої політики Польщі, сформував своє ставлення до Радянської Росії на основі інформації, наданої польською розвідкою та перемовин з німецьким військовим командуванням Ober Ost'у. З'ясовано, що захоплення Червоною армією було сприйнято польським головнокомандуючим як початок військового конфлікту між двома країнами.

Ключові слова: більшовизм, Радянська Росія, Ober Ost, Вільно, Німеччина, Польща, Юзеф Пілсудський.

Skubiy I. A. Jozef Pilsudski and formation of Polish foreign policy towards Soviet Russia in November 1918 – January 1919 years (military-political aspect)

The genesis of the Polish-Soviet conflict in the early months of the existence of Rzeczpospolita II is concerned in the article. It has been concluded that Jozef Pilsudski, who led the eastern vector of Polish foreign policy, had formed his attitude towards Soviet Russia on the basis of information provided by Polish intelligence and the negotiations with the Ober Ost's German military command. It has been proved that the Red Army occupation of Wilno was perceived by the Polish Supreme Commander as the beginning of the conflict between two countries.

Keywords: bolshevism, Soviet Russia, Ober Ost, Wilno, Germany, Poland, Jozef Pilsudski.

УДК 94(438)"1939-1945"

C. B. Poik

ПЕРЦЕПЦІЯ ЧАСУ ПОЛЬСЬКИМ СУСПІЛЬСТВОМ В УМОВАХ НАЦИСТСЬКОЇ ОКУПАЦІЇ

У статті розглядається проблема сприйняття часу суспільством у переломні періоди історії країни. Об'єктом міждисциплінарного дослідження є польське суспільство в період Другої світової війни. Автор, використовуючи як джерельну основу студій особові документи поляків, відстежує процес формування поведінкових норм, вироблення практики життя в аномальних обставинах. Спираючись на напрацювання соціальних психологів та історичних антропологів, автор наголошує на важливості врахування темпоральної складової у дослідженні історичних подій та процесів.

Ключові слова: сприйняття історичного часу, історія Польщі, Друга світова війна, нацистська окупація.

Проблема особливостей сприйняття часових відтинків, епох, історичних подій є однією з найменш досліджених у науці. Динамічний розвиток міждисциплінарних досліджень на межі соціальної та політичної психології, культурної антропології, різноманітних напрямків соціології та історії призвів до відкриття нових обріїв наукових досліджень. Все це, у свою чергу, кидає виклик сучасним дослідникам, стимулюючи їх до підвищення рівня власної компетентності в галузях науки і напрямках досліджень, які раніше не належали до сфери їх наукових пошуків.

Історія є суб'єктивною в контексті переосмислення, трансформації та наповнення новим змістом, адже залежить від суб'єкта історичного процесу. Відомий російський психолог Р.А.Ахмеров застосовує поняття "суб'єктивної картини історії народу", тобто системи уявлень людини про історичне минуле, теперішнє і майбутнє народу. Власне, мова іде про т.зв. "неофіційну" історію народу, ґрунтовану на історичних уявленнях і відповідному способі мислення, на відміну від "офіційної" - інтерпретації історії з точки зору групових, особистісних чи геополітичних інтересів політичної чи бізнес-еліти [1, с.110-111].

Що до сприйняття часу, то воно традиційно розуміється як суб'єктивне відображення об'єктивної тривалості, швидкості й послідовності. Але сприйняттям історичного часу виявляється не лише оцінка вищезазначених атрибутів історичних явищ та подій, але й спосіб усвідомлення різниці між модусами часу, тобто диференціація минулого, теперішнього, майбутнього. О.Б.Тарканова наголошує на тому, що у психологічній науці досі не склалося єдиної системи характеристик суб'єктивної складової часу. У різних випадках суб'єктивний бік темпоральної реальності описується за допомогою "часових орієнтацій", "атитюдів до часу", "уявлень про час", "часових патернів" та ін [2, с.210].

Завершення Другої світової війни знаменувалося появою нової генерації вчених (Л.Февр, Х.Арендт), які стали приділяти особливу увагу проблемі часу, але не стільки в контексті неперервності історичного процесу, скільки його неочікуваним розривам, зламам, лакунам. "Розрив" стає головною подією історії, а дискретність часу – основною категорією. В.М.Ткаченко, аналізуючи "кризу часу" в осмисленні історичного